

— Слышала, ты до сих пор исполняешь Танец парящих одежд? Жаль, мой Дворец Чанлэ тесноват, но если в будущем затею перестройку, обязательно расширю площадь, чтобы императрица могла проявить себя в полной мере, — произнесла она, и по рядам гостей тут же пополз шепоток.

Как бы наивна она ни была, но прекрасно понимала: эти слова — скрытая насмешка. Её искренние старания были отвергнуты, и у Чжао Фэйянь покраснели глаза. Потупив взор, она тихо промолвила:

— Благодарю, вдовствующая императрица.

Разве может простая певичка занять место императрицы великой династии Хань? Лю Ао может ей потворствовать, но Ван Чжэнцзюнь такой номер не пройдет. Красавицы — всегда источник бед. И Чжао Фэйянь, и Дун Сянь — все они таковы. Если не приструнить их сейчас, в будущем жди бесконечных неприятностей! Взгляд Ван Чжэнцзюнь, полный презрения, переместился на Дун Сяня:

— Господин Дун, до меня дошли слухи, что вы искусны в игре на цитре, а также мастерски слагаете стихи и оды. Почему бы вам не исполнить что-нибудь сегодня?

Отказ не принимался. Едва она закончила фразу, как в центр зала внесли гучжэн. Неожиданный поворот застал Лю Синя врасплох, зато Дун Сянь остался невозмутим. Он ответил:

— Раз такова воля вдовствующей императрицы, я не смею ослушаться.

С этими словами он поднялся и направился к инструменту.

Этот гучжэн стоял в центре зала с самого начала банкета, но ни один музыкант не осмелился к нему прикоснуться — очевидно, он был приготовлен специально для Дун Сяня. И Ван Ман понимал это лучше, чем кто-либо другой.

Все взгляды мгновенно устремились на стройную фигуру юноши. Лю Синь не стал смотреть на Дун Сяня, он неотрывно следил за Ван Маном. Тот взял с низкого столика кувшин, наполнил чашу и осушил её одним глотком.

Дун Сянь, сидя посреди зала, провел длинными пальцами по струнам. Зазвучала чарующая, умиротворяющая мелодия, и он запел:

— Песни чуских воинов у Сяся звучат в ушах, люди спешат, реки и горы Цинь ныне иные...

Всё шло по плану.

Ван Ман сделал второй глоток, а песня меж тем гласила:

— У клана Лю есть гордый сын, отринул сотню школ, возвеличил конфуцианство, расцвет в

годы правления У-ди.

Когда чаша с вином в третий раз отразила лицо Ван Мана с его загадочной полуулыбкой, Лю Синь уже изрядно занервничал и тут же обернулся к Дун Сяню.

— В цветах таится обида, на губах — румяна, прекрасная дева отправляется в земли сюнну... — донеслось до гостей.

— Дерзость!

На главном месте раздался резкий хлопок. Ван Чжэнцзюнь в ярости ударила ладонью по столу, её лицо от гнева стало пепельно-сизым.

Прекрасная дева отправляется к сюнну?

Он посмел вытащить наружу старые раны и решил свести с ней счеты! Она хотела лишь позабавиться над Дун Сянем на своем юбилее, а он воспользовался моментом, чтобы сочинить песню и бросить ей вызов. Больше всего на свете Ван Чжэнцзюнь ненавидела, когда обсуждали историю Ван Чжаоцзюнь.

Дун Сянь поднялся, не проронив ни слова. Его задача была выполнена — он поставил Ван Чжэнцзюнь в неловкое положение. Теперь, когда цель достигнута, другие люди возьмут на себя последствия.

Ван Ман изучил характер своей тетушки до мельчайших деталей. Как он и ожидал, она вышла из себя уже на третьей строчке. В душе Ван Ман ликовал: жаль только, она не услышала последних двух строк — «Цикл времен неизменен, когда же вернется былое? Верьте, в Поднебесной всегда найдутся мудрецы!»

Чиновники в зале затаили дыхание, воцарилась гробовая тишина, даже Лю Ао застыл в изумлении.

Ван Чжэнцзюнь поднялась на ноги. Вроде бы глядя на присутствующих, она обратилась к одному лишь Дун Сяню:

— Сегодня мой день рождения. Тот, кто посмеет испортить мне настроение сегодня, пусть забудет, что такое радость до конца своих дней!

— Господин Дун ничего такого не спел, — Лю Юйнь, явно благоволивший к нему, тихо пробормотал это сбоку, но, поймав яростный взгляд Ван Чжэнцзюнь, тут же осекся.

Ван Чжэнцзюнь повернулась, окинула Дун Сяня холодным взглядом и спустилась с помоста. В глазах напротив она не увидела ни тени страха — словно гора Тайшань рушилась перед ним, а он оставался невозмутим. Эти глаза внезапно напомнили ей другой взгляд, увиденный много

лет назад: те же чистые, яркие, бесстрашные глаза, видевшие мир насквозь. За что? Почему у вас такой гордый нрав?

Ван Чжаоцзюнь даже не получила шанса увидеть императора, её отправили к сюнну, так почему же она оставалась столь спокойна перед лицом судьбы? Дун Сянь — такой же одинокий и беззащитный, он что, возомнил себя Чжао Фэйянь?

Лю Ао будет его защищать? Увы, до этого еще далеко. Тогда откуда такая уверенность? Откуда такое бесстрашие перед лицом власти? Ван Чжэнцзюнь, охваченная смятением, подошла к Дун Сяню и глухо спросила:

— О какой прекрасной деве говорится в твоей песне?

— Отвечаю вдовствующей императрице: в песне я имел в виду жену шаньюя сюнну Хуханье, Ван Цян.

— Каково происхождение этой Ван Цян?

— Она была простой дворцовой служанкой при покойном императоре Юань-ди.

Словно ухватившись за серьезный повод, Ван Чжэнцзюнь холодно усмехнулась:

— Раз она была всего лишь служанкой, разве достойна называться прекрасной девой? Господин Дун, не слишком ли вы возвеличили её?

— Прошу вдовствующую императрицу гневаться меньше. — Напряженную атмосферу внезапно нарушил третий голос. Все глаза мгновенно устремились к источнику звука. Это был Лю Синь. Он поднялся и произнес: — В нашей империи Хань люди сыты, урожаи богаты, а погода благоприятствует. В сравнении с нами у сюнну нехватка продовольствия и суровый климат. Когда покойный император выдавал замуж невесту для союза с сюнну, он не выбрал ни принцессу, ни деву из клана, потому что пожалел их, не желая отдавать на те лишения. Ван Цян благополучно заключила союз, была любима народом сюнну, и многие годы на наших границах царил мир. Она более чем достойна зваться прекрасной девой.

Слова Лю Синя прозвучали весьма убедительно. Даже Лю Ао не удержался от похвалы:

— Сказано верно, зачем же матери-императрице портить себе настроение из-за таких пустяков?

Слово императора — закон. Как только Лю Ао заговорил, по залу пронеслись одобрительные возгласы. Лишь Лю Юйнь на почетном месте издал глухое фырканье.

Ван Чжэнцзюнь снова посмотрела на Лю Синя. Юноша перед ней казался каким-то чужим, строгие линии лица делали его необычайно мужественным, а в проницательных, как у ястреба, глазах промелькнула искра властного величия.

Встретившись с ним взглядом, Ван Чжэнцзюнь вздрогнула и проговорила:

— Учитель и ученик друг друга стоят. Синь-эр провел с господином Дуном немало времени и, погляди-ка, стал таким рассудительным.

Атмосфера немного разрядилась. Вернувшись на свое место, Ван Чжэнцзюнь произнесла:

— Раз уж вы все так считаете, значит, это я приняла всё слишком близко к сердцу. Господин Дун, возвращайтесь на свое место.

— Благодарю вдовствующую императрицу.

Внешне всё казалось спокойным, но внутри бушевал настоящий пожар. «Ловкий же ты, Дун Сянь!» — мысленно выругалась Ван Чжэнцзюнь, коря себя за то, что недостаточно тщательно продумала план, позволив ему обернуть всё против неё. Она давно должна была понять, что Дун Сянь — не такая простая фигура, как Чжао Фэйянь.

На банкете звенели кубки, музыка не смолкала, но гостей не покидало чувство тревоги. После полуденного пира наступал вечерний, и промежуток между ними был лучшим временем для того, чтобы чиновники могли продемонстрировать лояльность.

Дворец Чанлэ по своим размерам ничуть не уступал дворцу Вэйян, где жил Лю Ао. Лю Синь изначально планировал держаться от Дун Сяня подальше, но после той песни, сам не зная почему, он словно под гипнозом сопровождал его почти по всей территории дворца.

По пути к ним постоянно подходили люди, так что перекинуться хоть парой слов им удалось едва ли. Наконец, они заметили уединенный искусственный холм, но не успели дойти, как Ван Ман оказался там первым.

Лю Синь бросил короткий взгляд на Дун Сяня. Тот всю дорогу следовал настроению Ван Мана. Встреча с Ван Маном здесь заставила юношу усомниться: не была ли она подстроена заранее?

— Господин Дун, вы превосходный учитель. Его Высочество Синь так быстро решил за вас вступить, что мне и вмешиваться не пришлось.

Лю Синь лишь презрительно хмыкнул, услышав это. Те стихи явно были написаны Ван Маном. И хотя Дун Сянь был в одной упряжке с ним, Лю Синь не мог спокойно смотреть на подобные игры в «убийство чужими руками». Он знал, что Ван Ман обязательно появится, чтобы «оправдать» Дун Сяня и сыграть роль благодетеля.

Словно прочитав мысли Лю Синя, Ван Ман улыбнулся:

— Вам наверняка есть о чем поговорить, я вас покину.

Хотя шахматная партия шла не совсем по сценарию, тот факт, что Лю Синь заступился за Дун

Сяня, доказывал: каждый его шаг был верным. Не в этом ли заключался самый важный ход во всей игре? Мало кто знает, что империя Лю подобна листу на ветру, и вряд ли Лю Ао суждено увидеть своих наследников. Главная угроза не в ком-то другом, а именно в Лю Сине. Северная звезда сдвинулась, окрасилась в пять цветов — на небосклоне сосуществуют две звезды императора. Как может одна гора ужиться с двумя тиграми? Если не погасить одну из них, как укрепить трон?

— Ван, вы уходите? Почему бы не поболтать вместе? — Дун Сянь по-прежнему был невозмутим, словно не он только что нарушил главный запрет вдовствующей императрицы.

— Нет нужды, мне еще нужно поздравить наложницу Бай Жун. — Ван Ман и Дун Сянь обменялись невидимым взглядом. В душе Лю Синь назвал это «заговором».

Бросив на ходу дежурное «счастливого пути, дядя Ман», он перестал обращать на него внимание. Когда Ван Ман ушел, Лю Синь почувствовал себя свободнее. Взглянув на Дун Сяня, он тихо позвал:

— Учитель...

Казалось, он впервые сам назвал его так. Дун Сянь удивленно улыбнулся:

— Что такое?

— Зачем ты пел ту песню? Это ведь не ты её написал. — Из верности? Из-за невозможности отказать? Потому что Ван Ман купил его с потрохами? Но если бы Ван Чжэнцзюнь пришла в ярость и никого не послушала, Дун Сянь мог бы поплатиться жизнью! Лю Синь был уверен: Дун Сянь прислуживает Ван Ману лишь в расчете на почести после его прихода к власти. Но если он погибнет сейчас, что толку от будущих богатств? Лю Синь не понимал, он был в полном замешательстве.

— Не на все вопросы нужно знать ответ сразу, — уклончиво ответил Дун Сянь. — Ваше Высочество еще молоды, не стоит пытаться докопаться до всего.

Лю Синь не унимался:

— Слышал, тебя с детства воспитывали брат с невесткой. Она сейчас живет в поместье Ван Мана? Почему бы не забрать её во Дворец Юйян?

Упрямство Лю Синя делало его похожим на ребенка, но его нелепые вопросы били точно в цель.

Дун Сянь усмехнулся:

— Благодарю за доброту, Ваше Высочество, но брат и невестка тяжело больны. Только Уиский линчжи из сокровищницы поместья Ван может облегчить их страдания, в другом месте им не

выжить.

Вот оно что. Значит, он просто отрабатывает долг за воспитание. Вздохнув, Лю Синь почувствовал, как его отношение к Дун Сяню немного смягчилось. Почти всё стало ясно, но он все равно спросил:

— Если бы я мог спасти твою невестку, ты был бы верен мне так же преданно?

Это был гипотетический вопрос, но Дун Сянь опешил. Он молчал, лишь глядя на искусственный холм. Из него струился горный ключ, и в водопаде отражались две стройные фигуры. Его спутник, казалось, был очень взволнован: Дун Сянь почувствовал, как тот схватил его за плечи и развернул к себе лицом.

— Я жду ответа! Если бы это был я, ты бы не щадил себя ради меня?

На самом деле Лю Синь боялся услышать ответ. Если скажет «нет» — значит, он проигрывает Ван Ману. Если скажет «да» — значит, всё это лишь из-за «спасения родственников».

В голове у Дун Сяня стоял туман. Руки, сжимавшие плечи, были такими сильными, что, несмотря на все его боевые навыки, он не мог вырваться. Как такое возможно? Лю Синю ведь всего семнадцать, он — сущий юноша! В его прекрасных глазах впервые отразилось смятение. Дун Сянь не ответил, он просто не мог.

Редко можно было увидеть Дун Сяня таким потерянным. Его брови были слегка сдвинуты, а в глазах читалась меланхолия, подобная вечерним сумеркам. Пламя в глазах Лю Синя постепенно угасло. Он нежно коснулся длинными пальцами лица Дун Сяня, провел до подбородка и прошептал:

— На самом деле ты очень красив, жаль только, что родился не в то время, в эту эпоху хаоса.

Сердце словно кто-то тронул. Дун Сянь повидал мир и слышал немало лести, но ничто не могло сравниться с этим простым, искренним утешением.

Лю Синь отпустил его:

— Здесь, во дворце, так душно. Давай я отвезу тебя в одно место, там куда интереснее.

Дун Сянь, всё еще пребывавший в замешательстве, спросил:

— Куда же?

Лю Синь озорно улыбнулся:

— Просто иди за мной.

Он взял Дун Сяня за руку и потянул вперед. В конце концов, он еще ребенок, подумал Дун Сянь, но рука в его ладони была такой крепкой, что ему не оставалось ничего, кроме как позволить увлечь себя. У ворот дворца стража остановила их:

— Вы покидаете Дворец Чанлэ?

Лю Синь достал свой жетон:

— Я Лю Синь. Нам с господином Дуном нужно отлучиться по делу, передайте вдовствующей императрице.

Весь двор знал, как император ценит Лю Синя, а Дун Сянь был любимчиком государя. Стражники украдкой разглядывали Дун Сяня и спросили:

— Ваше Высочество, подготовить для вас карету?

— Не нужно, просто передайте весть.

Лю Синь, не разжимая руки, повел Дун Сяня прочь. С того момента, как они убежали от холма, Дун Сянь всю дорогу следовал за ним. Они дошли до почтовой станции, Лю Синь арендовал двух лошадей и, повернувшись к Дун Сяню, сказал:

— Я покажу тебе чудо природы. Пейзажи по пути стоят того, чтобы увидеть их своими глазами, а сидя в карете, ты бы ничего не разглядел!

Они вскочили на коней, и Дун Сянь последовал за ним. Вскоре вдаль показались очертания горы Хуашань. Дун Сянь крикнул:

— Ваше Высочество! Вы что, ведете меня на гору Хуашань? Я здесь был уже не меньше двадцати раз!

— Просто догоняй! — не оборачиваясь, ответил Лю Синь и ударил коня плетью. Дун Сянь удивился, но и заинтересовался. Он слегка отпустил поводья, и его конь тут же устремился в погоню.

Вернемся к событиям в шумном Дворце Чанлэ. Даже без Лю Синя и Дун Сяня праздник шел своим чередом. Гудящая толпа вызывала у Чжао Фэйянь тревогу. Она нервно теребила в руках платок, а рядом стояла расписная чаша для тушения. Она узнала, что наложница Бай Жун беременна, и специально отправила людей в Цзяннань за чистейшими Кровавыми лотосами, сама следила за огнем, готовя отвар. Но сегодня, увидев Бай Жун, она не решилась его преподнести.

Даже в простых семьях смотрят на статус, что уж говорить об императорском доме! Она — феникс, прилетевший извне, но удостоенная величайшей милости и возведенная в статус

императрицы. Она подготовила танец для дня рождения вдовствующей императрицы, а в ответ услышала лишь холодные уколы. Прогуливаясь по дворцу, она слышала шепот за спиной — кто здесь вообще считает её императрицей Хань?

Чжао Фэйянь тяжело вздохнула. Налетел вечерний ветерок, колыша её платье, тонкое, как крылья цикады. Почувствовав на себе чей-то взгляд, она резко обернулась:

— Кто здесь?

Перед ней стоял человек в черных одеждах, статный и величественный. Увидев Ван Мана, Чжао Фэйянь прошептала:

— Ван...

— Почему императрица здесь одна?

Его острый взгляд упал на чашу рядом. Ван Ман тихо спросил:

— Хотели отнести Бай Жун?

— Я... — слова застряли в горле. Лицо вспыхнуло, она опустила глаза.

— Вам нездоровится? — подняв голову, она увидела его нежный взгляд.

Чжао Фэйянь вздрогнула и случайно толкнула чашу. Она потянулась, чтобы подхватить её, но дно уже было поддержано другой рукой. В суматохе она смахнула крышку чаши — она ударилась о землю и разлетелась на куски.

— Ох! Всё из-за моей неуклюжести. — Разбитая посуда никогда не была добрым знаком. Лицо Чжао Фэйянь побелело, она бросилась собирать осколки.

— Пусть слуги уберут, порежетесь, — Ван Ман помог ей подняться. Увидев её испуг, он усмехнулся: — Всего лишь разбитая крышка, не берите в голову. Раз уж вы приготовили отвар, почему не отнесите его Бай Жун?

— Я... боюсь. Бай Жун сейчас в саду с вдовствующей императрицей, — тихо сказала она.

Ван Ман рассмеялся:

— Император отдыхает с тетушкой в покоях. Давайте я провожу вас, как раз хотел её поздравить. — Он взял чашу и зашагал прочь. Чжао Фэйянь не могла отказать и пошла следом.

В саду Бай Жун, увидев её, радостно пригласила присесть.

— Сестрица, я так испугалась в эти дни, боюсь навредить ребенку. Представить страшно, что впереди еще десять месяцев, как мне пережить это время? — жаловалась она, но в голосе слышалась сладость.

Чжао Фэйянь искренне пожелала:

— Поздравляю! Ты ждешь наследника, император наконец получил желаемое.

Ван Ман, стоявший рядом, почтительно произнес:

— Я, в отличие от императрицы, не такой старательный, не подготовил подарков. Могу лишь пожелать, чтобы вы поскорее родили, и у императора появился наследник.

— Благодарю, дядя Ван, — Бай Жун тут же прикусила язык: — Поглядите на меня, так жду ребенка, что даже обращение спутала. — Увидев отвар, приготовленный Чжао Фэйянь, она поспешила поблагодарить её.

Кровавые лотосы были невероятно полезны для здоровья будущей матери. Чжао Фэйянь отбирала их тщательно — каждый размером с плод лонгана, ярко-красный и прозрачный. Бай Жун знала, что императрица, несмотря на свой статус, добра сердцем. Не желая обидеть её, она велела подать чашу и ложку и выпила всё до дна.

Действие лотосов было удивительным: едва чаша опустела, как по всему телу разлился жар, а сердце забилось в бешеном ритме — словно дикий конь пытался вырваться из груди. Вслед за этим пришла резкая боль в животе. Бай Жун в ужасе уставилась на мир, который внезапно поплыл перед глазами.

— Императрица! — Бай Жун вскрикнула, чувствуя неладное, и вцепилась в руку Чжао Фэйянь. Та была раскаленной, как огонь.

Чжао Фэйянь подхватила её, встревоженно спрашивая:

— Что случилось? Что с тобой?

Не успела она договорить, как получила пощечину. От неожиданности Чжао Фэйянь застыла, из уголка рта потекла кровь. Она все еще не понимала, что произошло, снова пытаясь поддержать Бай Жун:

— Сестрица, что с тобой? Где болит?

— Чжао Фэйянь! Ты змея с ядовитым сердцем! Чем я тебя обидела, что ты решила отравить меня?! — Зрение затуманилось, приступы боли рвали тело на части. Она больше не могла сидеть, рухнула на землю и зарыдала.

— Я не травил тебя! Сестрица, поверь, я этого не делала! — Чжао Фэйянь была в ужасе, она

пыталась подойти, но Бай Жун отталкивала её в истерике.

Шум привлек слуг. Бай Жун корчилась на земле, проклиная её на чем свет стоит. Чжао Фэйянь не знала, что делать, её слезы градом катились из глаз. Взглянув на Ван Мана, как на единственный островок безопасности, она схватила его за рукав:

— Скорее, помогите ей! Она умирает, она умирает!

Ван Ман похлопал её по плечу, вытер слезы и громко крикнул:

— Сюда! Позовите императора!

Слуги бросились прочь. Бай Жун в полузабытьи увидела, как Чжао Фэйянь дрожа прильнула к груди Ван Мана. Она тут же разразилась новой порцией проклятий:

— Это вы! Вы, двое... прелюбодеи! Чжао Фэйянь, император любит только тебя! Ты, подлая женщина, предала его, совершила такой позор!

— Я не делала этого! Почему ты так говоришь? — Чжао Фэйянь была в отчаянии. В глазах Бай Жун её слезы стали лишь подтверждением греховности.

Бай Жун, обхватив свой округлившийся живот, с трудом поднялась на ноги.

Игра! Всё это было игрой! Она не ожидала, что милосердная императрица окажется настолько хитрой и будет так искусно скрывать свое истинное лицо.

<http://bllate.org/book/21155/2144384>